

ОСТРОВ

Яна Октур

Яна Октур Остров S

<https://litres.ru/74255338>

SelfPub; 2026

Аннотация

Пять лет тишины. Я всё помню.

Ты подарил мне одно лето, изменил мою жизнь. Хранишь ли ты наши секреты: координаты, локации, ошибки, улыбки? А может быть, и нечто большее

Атмосферная история о взрослении, тайнах прошлого и загадочном клочке земли, затерянном в тумане, который стал для подростков порталом в иной мир.

Готовы ли вы к знакомству с Островом S?

Содержание

Глава	4
Глава 1. Как я провел лето	5
Глава 2. Остров S	7
Глава 3. Версия 1.0	9
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Яна Октур

Остров S

Глава

Глава 1. Как я провел лето

— Ау-у... ммм.

Я оседаю на корточки. Джинсы натягиваются. Рву ткань вверх, к икре.

Тонкий костяной стук. Нога срывается, резанув по бетонному ребру ступени. Боль немая, сухая. Бьет резко, прямо в зубы.

— Ох уж этот старый шрам! Болит как новый.

Прямо над косточкой — рваный, глубокий рубец. Тугая полоса. Кожа вокруг уже синее. Ладно. Могло быть и хуже. Опускаю штанину до кроссовка. Хватаюсь за ледяную трубу перил, выпрямляю спину. В три ломаных шага долетаю до своей двери.

Захожу в квартиру, сбрасываю кеды. На кухонном столе лежит лист — мое начатое письмо. Скольжу глазами по строчкам:

«Привет, Алейка! Мне так нравится эта идея с бумажными письмами. Пусть мы и общаемся с задержкой в две недели».

Сажусь за стол, беру ручку. Дописываю с того самого момента, на котором остановился:

«Сегодня первое сентября. Символично. Вспоминаю, как раньше в школах писали сочинение «Как я провел лето». Не знаю, как сейчас, но пять лет назад я бы точно победил в

таком конкурсе или отца вызвали бы в школу. Одно из двух.

Знаешь, я серьезно считаю наше лето на острове самым ярким и важным событием в моей жизни. Но секретность сняли только в этом году. Военная цензура наконец-то вычеркнула нас из списков. Свободное возвращение на Остров S — лишь одна из причин, и далеко не главная.

Поздравляю с помолвкой! Наконец-то увижу тебя, марсианка! Повод прекрасный. Но должен признаться: когда я увидел имя твоего жениха, я сначала минут десять смеялся, а потом... банально всплакнул. Надо же... Я бы никогда не подумал...

Большой привет маме. Жди нас через пару недель — мы стартуем к острову.

Твой брат, Тим».

«UPD: в этот раз письмо не отправляю. По подсчетам мы будем на месте раньше почты. Так что привет маме и это письмо передам лично. Хочу увидеть твоё лицо, когда ты будешь его читать. Кстати, твоё письмо с оригинальным сообщением о помолвке я сохранил, буду ежегодно перечитывать».

Глава 2. Остров S

— Не капай, Алейка, ноги расставь! Ну куда ты его крутишь?

Сидим на краю теплого каменного уступа над рекой. Болтаем ногами в пустоте. От реки веет прохладой. Кажется, будто исполинская рыба по имени Остров S дышит гнилой морской капустой и горячим, сочным пирожком пян-се. Он у нас один на двоих, отчего еще вкуснее.

— Я аккуратно! Видишь, на меня не капнуло.

Увесистая, жирная капля уходит в мох.

— Держи, сделай глоток, пока не остыл.

Алейка протягивает мне отвинченную от родительского термоса кружку. В ней плещется темный, горячий чай с чагой. Я согреваюсь этим горьковато-сладким напитком с ароматом березовой коры. Внутри оживает надежда: медведи все-таки придут за симой.

Понемногу сопки затягивает. Мир вокруг размывается, воздух стынет, а сырость усиливается.

— Ничего не понимаю, мы же видели свежие следы! — возмущаюсь я.

Алейка грустно кладет голову на колени и тихо говорит:

— Походу, Тим, шоу с вишневым лососем отменяется.

Какое-то время мы молча слушаем остров. Ждем.

— Да уж, сто процентов засели в дуднике от этой мокро-

ты, — говорю я сестре. — Раз дождь усиливается, погнали домой.

Мы сдергиваем с травы велосипеды. Но стоит только вскочить в седла, как дождь начинает шумно сечь листву. Вкрадчивый ситничек за секунды срывается в плотный, сплошной поток. Вода мгновенно размывает тропинки.

— Алейка, тормози, это бесполезно! — кричу я, когда колеса начинают вязнуть в жиже. — Давай под лопухи, переждем тут!

Мы затаскиваем велики в зеленый полумрак. Алейка отряхивает куртку, хитро щурится и говорит:

— Слушай, а давай сделаем зонты из лопуха и поедем как короли? У меня есть нож-брелок.

— Аха-ха, нам уйма времени нужна с таким ножом. Посмотри на стебель, он толщиной с мою руку. Скорее дождь закончится, чем я его отпилю.

Мы сидим между мясистыми стеблями лопуха. Сквозь щели наблюдаем, как ливень стирает границу между землей и небом. Узкая грунтовка внизу превращается в еще одну бурлящую реку.

А ведь в тринадцать лет этот июнь кажется бесконечным. Солнце всегда пробивает туман, побеждая хмарь. Дожди становятся короче, а расплавленный воздух пахнет теплой смолой. Мы знаем: впереди целое лето. Остров S открывает свои объятия — огромные, отрезающие нас от всего мира.

Глава 3. Версия 1.0

За окном забетонировано, зацементировано с пяти утра — туман.

Пацан тащит щенка. Приблуда. Навстречу — местный, пальцем ткнул:

— К Седому неси. Он врач, герпетолог. Приютит. Всех тварей греет.

Сквозь затуманенный воздух пробивается густой звук портовой сирены. Словно кашель над миром. Первый тяжелый гудок ледяным эхом пружинит по острову.

Солнца нет, за стеклом сплошной серый тюль. На клеенке в желтую клетку расправлены геологические карты — плотные, пахнущие сухой бумагой и тушью.

Тимур ведет указательным пальцем по извилистой линии горизонтали. Подушечка цепляется за крошечную зазубринку.

— О, смотри, — тихо говорит он, не поднимая глаз. — Тут линии глубин сужаются. Значит, обрыв. Вода, наверное, грохочет так, что береги уши.

Алейка сидит на подоконнике, подтянув колени к подбородку. Кеды, испачканные вчерашней глиной, безвольно висят. Девочка не смотрит на бумагу, взгляд унесен в тяжелую молочную сырость.

Дверная ручка опускается, входит отец.

— Грохочет, — хрипло начинает он. — Слышите же, галька шуршит. Всё живое. Земля — настоящая. Не глухая и спящая, как на материке, а пробудившаяся!

— И тебе доброе утро, папа, — произносит Алейка.

— А мама что, спит? — спрашивает Тимур.

— Голова болит, ей нужна тишина. Сегодня отдыхает, просила не беспокоить.

— Понятно, семейного завтрака не жди, — иронизирует Тимур.

— Так кто со мной на рыбалку? — заливая кофе в термос, интересуется отец.

Завернув за ухо прядь растрепанных волос и наморщив нос, Алейка выпаливает:

— Только не рыбалка.

Она сползает на пол, бесшумно, будто улитка, и тычет пальцем в самый край листа, где синий цвет переходит в грязно-серый.

— Я вчера в исторической книге прочла: здесь в зарослях бамбучника вынюхивали узкоглазые, желтокожие, устремленные к солнцу поезда. Надо проверить, до сих пор ли там колея. Представляете? Такая, как у игрушечных поездов!

— Может, поищем вместе? — с надеждой спрашивает Тимур.

— Туман густеет, какие еще рельсы. В зарослях сазы без мачете, поди, не продерешься. Или в старой литературе не значилось инструкции? — улыбается папа.

Он достает коробку с блеснами — тяжелую, жестяную, с ободранным рисунком окуня:

— Я на старый причал. К отливу. Рыба сейчас пойдет близко к камням.

Скрипит дверь. Все затихают. Подростки одновременно отдергивают руки, словно пойманные на постыдном.

Появляется мама. Лицо устало-серое, а под глазами застыли два темных серо-зеленых полукруга, будто нарисованных гримом. Она не смотрит ни на мужа, ни на детей. Взгляд сразу падает на обеденную зону.

— Просила же: здесь только еда! Что, комнаты нет для чертежей?!

— Тимур, черви вот в банке. И вторую удочку возьми, — сухо и быстро произнес отец.

Брат и сестра переглянулись. Понятно без слов: родители опять в ссоре.

— Я в библиотеку. Возьму твой вел, Тим? — спросила Алейка.

— Бери.

Тимур поднялся, случайно задев коленкой ножку стола. Карандаш скатился и звонко щелкнул по полу. Мама резко обернулась:

— Алейка, ты опять в обуви?! Вся глина на полу! Живо убирай за собой, перед тем как за книги садиться!

— Сейчас...

— Без лишних слов! Маму передернуло от стука упавше-

го карандаша, и она прижала ладони к вискам. На секунду замерев, перевела тяжелый взгляд на сына:

— И чтобы никаких чертежей я здесь больше не видела!

На лестничной клетке дети притормозили.

— Что-то снова случилось, — прошептал брат.

— Вот на рыбалке и узнаешь, — подмигнула Алейка.

Она скатилась по ступеням, толкнула тяжелую дверь и шагнула в туман. На крыльцо из окна смотрело выцветшее, будто размытый в сырости старый фонарь, лицо мамы. Она нервно отхлёбывала кофе, обжигая искусанные губы. А всё вокруг замерло, вслушиваясь в глухое дыхание огромного моря-океана, окружившего остров S.

Квартира Седого. Запах мышей, сырости, старых ковров. Седой чудной, длинный — голова вся как в снегу, глаза круглые, будто вечно удивленные, зарытые в белизну.

— Заходи, малец. Чай готовлю. Брусничный. Щенка на пол пусти, сейчас и ему найдем вкусного.

Пес тявкает, кружится. Седой идет на кухню, Никита за ним. Шаг. Второй. Позывные чайника. На столе прозрачный, немного затертый заварник-кюсу, наполненный рубиновым чаем. В нем, танцуя, кружатся ягоды брусники. Сзади — шорох. Странный целлофановый хруст. Шуршание пакета о линолеум. И тут резко звук сухого гороха с размаху в стекло! Это из рук Седого выстрелом под ноги выпадает чашка, тончайшие осколки брызжут во все стороны. Ддзинь-и-и-инь...

— Забыл! — раздаётся огрубевший, громкий, обрывистый хрип старика.

Седой кидается в коридор. Никита за ним — быстро, не понимая еще, в чем дело. А там питон. Огромный, тусклый, в обрывках старой кожи. Свился кольцами в живой, маслянистый узел. Внутри узла — щенок. Хруст. Сухой, короткий, как хруст ломающейся ветки. Глаза собаки — огромные, налитые дурной кровью — смотрят прямо на парня. Щенок даже не пискнул. Только воздух с хрипом вылетает. Схлопывается. Никита орет: «Неееееттт!»

Седой воет, падает на колени, но руки поднять не смеет. Из его горла рвется огрубевший, хриплый голос:

— Не трогай, малец, не лезь, убьет! Природа... тварь голодная... Голова-а-а дыря-я-явая-а... Не закрыл... забыл... пооочемууу...

А дальше как на пропитанных ужасом полотнах Здзислава Бексиньского: питон давит медленно, словно с обожанием. Собака издает сиплый, оборванный хрип, будто пробитый мяч испустил последний воздух под колесом самосвала. По линолеуму ползет густой, горячий запах псины и мочи. Никиту рвёт.

Седой бьется головой о колени, а руками хлещет по линолеуму. И как-то не по-человечески, со стариковским хрипом подывает:

— Штош-ш-ш-ш-ты-ы-ы-твааа-ррь... Пасть питона начинает натягиваться на голову щенка, методично превращаясь

в бездонный кожаный мешок.

В мире парня — обрыв. Явь! Жизнь и смерть слились в пробирке узкого коридора.

Из квартиры Никита вырывается, как под давлением сорванной пробки. Словно брызги, летящие в плоть, он впечатывается в соседа Анисима.

Сосед по площадке работает в местной библиотеке и сразу узнает Никиту. Анисим натывается на бледное, мокрое лицо парня, его ошалелый стеклянно-звериный взгляд и прыгающую челюсть — парень хватается ртом воздух, но не может вытолкнуть ни слова.

— Никита, ты? Что там?.. — Анисим рвется к двери, открывает её на секунду, заглядывает внутрь и тут же с глухим стуком захлопывает.

— Ох ты! — тяжело выдохнув, он хватается Никиту за руку, серьезно произносит:

— А ну-ка, идем скорее в библиотеку. Есть дело к тебе, механик.

Дверь библиотеки распахивается с громким щелчком. На пороге возникает Алейка. Уловив необычный мотив, она звонко бросает:

— Здравствуйте! В библиотеке неизменно крутится винил, легко потрескивая иглой, но сегодня пластинка звучит отрешённо. Из полутени за стеллажами доносится негромкое:

— Привет. Никита сидит там, чуть откинувшись на спин-

ку стула. Алейка то ли не расслышала из-за проигрывателя, то ли проигнорировала приветствие. Уверенно направляется к стойке.

— Анисим, у вас сегодня такой интересный выбор! — девочка опирается ладонями о столешницу.

Она давно заметила: среди суровых полок с надписями «Минералогия» и «Геофизика» вдруг появляется квадратный конверт. Он всегда стоит аккуратно, словно экспонат на выставке, с которого смотрели то старые джазовые бэнды, то строгие композиторы вроде Арво Пярта.

— Не то, что вы обычно ставите.

Бывший регент поднимает от записной книжки светлые глаза и поправляет очки.

— Иногда нужна именно такая музыка. Это Брайан Ино — пионер жанра эмбиент. Захочешь узнать, как звуки могут растворять стены, — я к твоим услугам.

— Нет, спасибо. Это вам нужно успокоение, а у меня вот — список, — Алейка вытаскивает из кармана сложенный листок. — Я тут набросала по алфавиту. Посмотрите?

Анисим не отвечает. Он глядит в узкое окно, за которым тучи стремительно уносит ветром, открывая солнце.

— Смотри-ка, распогодилось. Сегодня, думаю, и без ливня обойдётся.

— Вчера такой дождь был сильный! — зачастила Алейка. — Я как раз ездила с братом на великах караулить медведей на рыбалке. Но небо превратилось в поток воды, никого не

дождались. Вымокли насквозь, пока крутили педали обратно.

Анисим сочувственно качает головой:

— Понятно. Промокнуть под июньским ливнем — тут и заболеть легко, — говорит бывший регент, беря список, но разворачивать его не спешит. Он поворачивается к дальнему стеллажу: — Книги найдём. Но ты погоди. Знакомься, Алейка, это Никита. Слушал тут со мной туманный эмбиент.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.